

ОБРАЗ РУССКОЙ САМОБЫТНОСТИ:

о работах западных ученых последнего времени, о Д.С. Лихачеве и о русском самосознании в области культуры

Удивительный факт, или, быть может, так считаю только я, но в русском языке нет точного эквивалента английскому слову *identity*, особенно в сочетании *national identity* *. В последнее время для передачи этого значения стали навязывать использование слова «идентичность», словарные дефиниции которого совершенно иные, и носители русского языка, прожившие за пределами своей страны в течение нескольких лет, находят это слово неприемлемым; один из них настойчиво предлагал мне использовать в этом значении русское слово «душа» — понятие настолько многогранное, наполненное богатейшим психическим и историческим опытом человечества, что едва ли кто осмелится использовать его. Из многочисленных работ Д.С. Лихачева я не знаю ни одной, где бы он писал о «национальной самобытности», хотя то, что мы можем называть «вопросами самосознания», имплицитно затрагивается во многих его научных трудах. Он предпочитает другое слово, слово «культура» и иногда «национальные особенности».

И тем не менее, я буду говорить об «Образе русской самобытности [*identity*]», а именно об отражении ее в новейших работах современных историков, пишущих на английском языке. В рамках этой огромной темы, которую я только слегка очерчу, особый интерес для меня представляют ссылки на Д.С. Лихачева, поэтому эта статья рассматривает две темы, но они, я считаю, взаимосвязаны. Мне следует сказать, что я лично знал Д.С. Лихачева, встречался с ним несколько раз в 60-е, 70-е годы, а также переписывался с ним. В 1976 году на его семидесятилетие я написал доклад «О Д.С. Лихачеве как историке культуры» и отослал его в Британское общество по изучению славянского средневековья, почетным членом которого он являлся. Эту работу я также отослал и ему, в ответ он любезно прислал мне большое письмо. Я опубликовал оба документа много позже — в 2000 году, уже после его смерти.

Не хочу утверждать, что у меня особое видение его научных достижений, но могу сказать, что для научно-исследовательской работы, которую я выполнял в 60-е и 70-е годы, я поставил себе целью ознакомиться с основными научными публикациями, вышедшими у него к тому времени. Замечу, что когда сегодня западные историки цитируют Д.С. Лихачева, они обычно имеют в виду его научно-популярные или публицистические работы. Добавлю также, что эти более поздние, очень известные работы и интервью потому-то и имеют вес и влияние, что существуют его более ранние научные труды — тщательно проработанные,

* Автор справедливо отмечает трудность перевода слова *identity*, столь многозначного и весьма употребительного в современной англоязычной литературе. Лучшие словари предлагают варианты: индивидуальность; своеобразие; отличительная черта, особенность. В переводе используются привычные в русском контексте размышлений о судьбе России переводы «самобытность» и «самосознание» и некоторые иные, следующие из смысла статьи. — Прим. пер.

часто трудные для понимания, с широким кругом исследуемых проблем, демонстрирующие острый взгляд на исторические процессы и глубину анализа отдельных деталей, событий и текстов, — которые и служат основанием его известной склонности к обобщению.

Но давайте все-таки вернемся к «национальной самобытности». Удивительно то, что западные историки, пишущие о России, по мере того как они достигают определенного более высокого научного статуса, вдруг начинают осознавать, что им нужно непременно решать проблемы «русской самобытности». Так было не всегда, но сейчас на Западе интерес к изучению проблем самосознания и самобытности необычайно высок. В то же время распад Советского Союза побудил самих русских к переоценке себя и своей страны, ее места в общем ходе истории (что порой ведет к разнообразным националистическим проявлениям). Кажется, что западными специалистами очень часто движет чувство, что стоит лишь выделить основные связующие моменты, как можно окончательно объяснить (или отбросить как несущественный) характер и дух народа и его 1200-летнюю историю, со всеми ее противоречиями и сложностями. Конечно, проблема русского национального самосознания не нова, хотя терминология изменилась: древнерусская литература (особенно летописи) вновь и вновь ставит вопрос о национальном самостоянии; всякий раз, когда меняются исторические обстоятельства, возникает вопрос о самобытной сущности русского народа; особенно широко обсуждается эта проблема на рубеже XIX и XX столетий, в эпоху, когда это неопределимое понятие — «русская душа» — становится предметом многочисленных публикаций.

Я буду говорить о четырех англоязычных научных работах XXI столетия (возможно, есть и другие, которые можно было бы упомянуть): это объемистая книга Орландо Файджеса «Наташин бал» (2002), так называемая «культурфилософская история России»^{*}; сборник статей «Национальное самосознание в русской культуре» под редакцией Саймона Франклина и Эммы Уиддис; сравнительно небольшое исследование Джеймса Биллингтона (автора монументального труда «Икона и топор») «Россия в поисках себя» (2004); и «Русские лики» Николая Рязановского (2005). Существенными, но написанными несколько ранее, являются работы Гертъяна Дейкинга «Национальное самосознание и геополитические идеи» (1996), в которой одна глава посвящена России, и, собственно, моя книга «Русские» (1997) — хотя я и задумывал ее как исследование истории русской культуры и, кажется, не пользовался в ней словом «самобытность». Все остальные авторы применяют этот термин и при том используют широкий спектр подходов в его изучении и понимании. Файджес весьма смело заявляет, что намерен истолковать «русские нравы» (по сути — нравы русской аристократии XIX века) и найти «скрытую сущность русского народного характера»: используя «изобразительное искусство и художественную литературу, дневники и письма, мемуары и официальные документы», он стремится «познать структуру русского национального самосознания». Это похвальные наме-

^{*} Вышедшее на русском языке издание этой книги неудачно названо «Танец Наташи» и снабжено подзаголовком «Культурная история России». — *Прим. пер.*

рения, и некоторые рецензенты восторженно приветствовали результаты его исследования, хотя, на мой взгляд, намерения эти не осуществились: автору просто не по плечу оказалась заявленная тема, он постоянно допускает фактические ошибки и не приходит к сколько-нибудь убедительному выводу. В отличие от декларированных планов он в основном описывает культуру аристократического общества. И что интересно, говоря на тему «самосознания», он часто ссылается на некую «русскую мифологию», не пытаясь даже дать ее связного описания.

Три другие книги опираются на более солидную интеллектуальную основу, хотя всем им присущи недостатки, свидетельствующие как о трудности темы «национального самосознания», так и об отсутствии какой-либо удовлетворительной методологии для его изучения. Сборник под редакцией Франклина и Уиддис — самый неоднородный и разноплановый. Он начинается с добротных, но несколько кратких статей редакторов на тему «Россия во времени» и «Россия в пространстве» и продолжается множеством прочих статей, большая часть которых мало что добавляет к теме «самосознания»; здесь снова описывается «высокая культура» и искусство. Биллингтон же, напротив, почти всецело занят историей идей. Он утверждает, что ни одна другая нация, за исключением России, не потратила столько умственной энергии в поисках ответа на вопрос «Что есть национальное самосознание?»; автор сосредотачивает свое внимание на постсоветском периоде, лишь вкратце рассматривая его в историческом контексте. Он создает весьма недурной термин для своих научных изысканий — «россиеведение». В отличие от всех перечисленных авторов лишь Николай Рязановский, уже 40 лет как знаменитый своим превосходным однотомником «История России», рассматривает указанные в подзаголовке его труда «национальные особенности самосознания» (которые, впрочем, он странным образом приравнивает порой к национализму) в качестве следствий влияния целого ряда событий политической (а до некоторой степени и духовной) истории России — об этом он всегда много писал, и писал убедительно. В завершение обзора добавлю, что Дейкинк рассматривает понятие «самосознание» в географических или геополитических терминах, в физическом местоположении «Я» и «Другого»; в то время как я в своей книге пытался описать культурную историю предельно всеобъемлюще — включая и историю простого народа и историю элиты, рассматривая как материальную, так и духовную культуру.

В мои задачи не входит давать здесь подробный критический разбор столь различных подходов упомянутых выше авторов, однако я вынужден подчеркнуть, что все они должны были бы с большей основательностью обсудить концептуальные проблемы, затронутые в их работах. Их книги имеют несколько различные цели, хотя понятие «самосознание» взято всеми ими за основу. Скорее я хотел бы здесь подробно проанализировать, как каждая из этих четырех книг цитирует, истолковывает или даже искажает слова и идеи Д.С. Лихачева. Подобные цитаты и ссылки вполне определенно указывают на взгляды и образ мысли авторов.

Единственный раз, когда в книге Франклина и Уиддис упомянут Д.С. Лихачев, он странно назван «критиком», хотя цитата привлечена для указания на

его превосходную оригинальную идею, имеющую непосредственное отношение к проблеме «национального самосознания», а именно на взаимоотношение понятий свободы и пространства (выражаемых русскими словами *воля* и *простор*) в русской картине мира.

Файджес в своей работе тоже цитирует Д.С. Лихачева лишь один раз: «От Азии мы получили чрезвычайно мало» и укоризненно замечает, что это единственные слова Д.С. Лихачева о монголо-татарском культурном наследии в его «Русской культуре»^{*}.

На самом деле Д.С. Лихачев неоднократно писал о влиянии монгольского нашествия в других своих работах, но Файджес использует данную цитату для подтверждения своей собственной установки: якобы русский «народный миф» утверждает, что монголо-татары не оставили никакого следа в истории страны и автору очевидно, что Д.С. Лихачев лукаво потворствует упрочению этого мифа. Мы могли бы возразить, что прошло уже 200 лет с тех пор как этот миф, если он вообще когда-либо существовал, утратил силу; но более существенно то, что эта глава из книги Файджеса, названная «Потомки Чингисхана» (!), страдает серьезными методологическими просчетами: автор понятия не имеет о процессах трансляции культурных ценностей (которые так хорошо понимал Д.С. Лихачев), считает вслед за Наполеоном, что собор Василия Блаженного «похож на мечеть», и даже не вполне уверен, где расположена «Азия» (он включает территории Коми и Чувашии в пределы Азии), но зато автор твердо уверен в том, что у русских это понятие табуировано.

Труд Рязановского отличается большей научностью, но и он цитирует Д.С. Лихачева в негативном контексте. В своей новой книге (но не в «Истории России») он весьма озабочен проблемой «двоеверия». Он выражает разочарование тем, что Д.С. Лихачев якобы закрывает эту тему общими словами, обвиняя русского ученого в том, что тот рассуждает необубедительно, приводит данные только в поддержку своей теории, игнорирует доказательства противной стороны. Но современные исследования посмертно подтвердили научную правоту Д.С. Лихачева: хотя слово «двоеверие» само по себе очень старо, оно никогда не означало того, что вкладывали в него романтически настроенные историки XIX столетия и их последователи: «сосуществование у народа языческой и христианской веры». Любопытно, что далее в своей книге Рязановский замечает, что хотя Лихачев был (таково его мнение) «националистом с безупречной репутацией», он отстаивал в «происходящей в настоящее время идеологической борьбе» точку зрения, что у России нет ни особой русской идеи, ни исторической миссии.

Биллингтон, который ссылается на Д.С. Лихачева чаще, чем три других автора вместе взятые, справедливо подчеркивает, что Д.С. Лихачев не был националистом в обычном смысле этого слова, полагая национализм искусственной и негативной идеологией. Он с восхищением рисует портрет Д.С. Лихачева как общественного деятеля в его поздние годы жизни, хотя, на мой вкус, портрет

^{*} Можно лишь предполагать, какую из работ цитирует О. Файджес, поскольку у Д.С. Лихачева есть целый ряд статей под названием «Русская культура», опубликованных в разное время как в России, так и за рубежом. По видимому, речь идет о книге: «Русская культура: Сборник». М.: Искусство, 2000. — *Прим. пер.*

несколько слащав: в его книге Д.С. Лихачев и Иосиф Бродский превращаются странным образом в пару «юродивых» правдолюбцев. Вообще западные специалисты по России злоупотребляют термином «юродивый» (Шостаковича, ровесника Лихачева, постоянно называют так), рискуя превратить его в надменно-снисходительный штамп. Но одно место, где одобрителное отношение к Д.С. Лихачеву перерастает у Биллингтона в критическое, весьма знаменательно. Речь идет о «Сказании о полку Игореве» (XII в.), которому, разумеется, Д.С. Лихачев уделял огромное внимание в своих научных изысканиях (а также помогал поэту Н.А. Заболоцкому при переводе этого произведения).

В США столь же принято сомневаться в подлинности «Слова о полку Игореве», как во времена Советского Союза было принято всячески ее отстаивать (показательно, что Рязановский опускает все ссылки на «Слово о полке Игореве», которые он щедро использовал в своей «Истории России»). Я не знаю, что тому причина: упрямство ли и дух противоречия, или филистерство, или мрачное продолжение «холодной войны», или попросту проникшее повсюду влияние скептических работ Эдварда Кинана. Но репутация Д.С. Лихачева в США серьезно и несправедливо запятнана предположениями о том, что он намеренно не позволял публиковать в 60-е годы статьи Зимина, где оспаривалась подлинность «Слова». В действительности эти предположения полностью противоположны истинному положению вещей: Д.С. Лихачев всегда призывал к честному и открытому спору, к публикации всех точек зрения, — но старые обвинения вновь всплыли в некрологах Д.С. Лихачеву, опубликованных в информационном бюллетене американской Ассоциации по распространению славянских исследований, и здесь, по-видимому, мы слышим их отзвуки.

Конечно, нельзя ожидать, что ссылки на Д.С. Лихачева в этих книгах дадут вразумительное представление его научных достижений. У меня вновь возникает ощущение, что если бы некоторые из авторов знали больше о творчестве Д.С. Лихачева до его поздней славы в 80-е годы, они бы не только лучше понимали основные факты развития истории русской культуры, но и динамику культурных перемен, возможности и невозможности передачи культурных традиций, меняющиеся национальные ценности и национальное сознание.

Национальная самобытность — трудноопределимая и непостижимая тема. Она пересекается с другими, лучше изученными понятиями (но не совпадает с ними), такими как национализм, психология масс или психология личности, патриотизм, культура. Современные ученые написали так, словно это некий продукт сознания, «надуманной общности»; я же рассматриваю ее как факт практический, физический (в газете «Гардиан» недавно появилась заметка, где приводились такие слова жителя Фарерских островов: «когда мы едим мясо кита, мы едим его не для удовольствия, а для того, чтобы напоминать себе, кто мы такие»). Это понятие, возможно, было намеренно изобретено в эпоху Просвещения или раннего романтизма. Франклин точно цитирует Жан-Жака Руссо: «...каждый народ имеет или должен иметь свой особый характер; если у него нет такового, то мы должны наделить его таковым». В своевременной недавней статье «Культура и национально ориентированная политика» (Известия Британской Академии № 9, 2006) британский ученый Адам Купер напомнил нам о том,

сколь тесно понятие «национальная самобытность» связано с идеологией — как происхождением, так и в современных научных трактовках. Марксисты резко отрицательно относятся к самой идее национальной самобытности — отсюда, возможно, и отсутствие эквивалентного термина в работах ученых в Советском Союзе. По совершенно иным причинам экзистенциалисты также неодобрительно относятся к этому понятию, исходя из того, что люди способны к бесконечному самообновлению или даже призваны к нему. Но вопросы национальной самобытности стары как мир: мы не можем объявить их несуществующими, учитывая, что первый встречный на улице не замедлит высказать свою точку зрения по этому вопросу. Как отнесся бы Д.С. Лихачев ко всей этой теме? С его широтой души, с его готовностью к культурологическим дискуссиям, я думаю, он с удовольствием вступил бы в полемику. Он, возможно, возражал бы против терминологии; однако чувствую, что ему понравилось бы слово «руссиология».

Профессор Робин Милнер-Гулланд,
ведущий научный сотрудник Суссекского университета

Перевод С.Р. Абрамова